

*Проанализированы взаимоотношения присяжной адвокатуры и революционных народников в ходе судебных политических процессов во второй половине 1860-х – начале 1880-х гг. (по материалам деятельности Д. В. Стасова). На основе архивных материалов приведены факты активной поддержки, как моральной, так и материальной, со стороны либеральной адвокатуры своих подзащитных-революционеров, что выходило за рамки функциональных обязанностей присяжного поверенного и привело к противостоянию с государством.*

**Ключевые слова:** адвокатура; история права; Российская империя; судебная реформа 1864 г.; правосудие.

**Дмитрий Максимович Легкий**, д-р ист. наук,  
профессор юридического факультета,  
Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,  
г. Костанай, Казахстан;  
[info@ksu.edu.kz](mailto:info@ksu.edu.kz)

**АДВОКАТ И ЕГО ПОДЗАЩИТНЫЕ  
НА СУДЕБНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ  
НАД РЕВОЛЮЦИОННЫМИ НАРОДНИКАМИ  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-х – НАЧАЛЕ 1880-х ГОДОВ  
(по материалам деятельности Д. В. Стасова)**

Современные ученые правомерно замечают, что в ходе ускоренной модернизации в России во второй половине XIX в. данный процесс сопровождался, к сожалению, не установлением сотрудничества администрации с просвещенной общественной средой, совершенно необходимого для успеха государственных преобразований, а острой борьбой, «сопряженной с взаимной дискредитацией» [6, с. 88].

Особенно ярко это проявилось в ходе громких судебных политических процессов над революционными народниками во второй половине 1860-х – начале 1880-х гг. Анализируя политический и юридический феномен присяжной адвокатуры, ее исследователь Н. А. Троицкий пришел к выводу, что судебные политические процессы в России не только подрывали авторитет самодержавной власти и будили сочувствие и симпатии к революционерам, но и стали актами антиправительственной борьбы, представляя собой в совокупности как бы «второй фронт» освободительного движения [20, с. 410–411].

Знаменитый адвокат Н. П. Карабчевский, бравировавший своим аполитизмом в годы революции 1905 – 1907 гг. в России, оказавшись после Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции, был вынужден признать, что «при самодержавно-бюрократическом строе... вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью оппозиционной» [5, с. 15 – 17].

Вместе с тем наряду с легальной возможностью выражать свою гражданскую позицию (не выходя за рамки Судебной реформы 1864 г.), при-

саяжная адвокатура широко использовала нелегальные формы и средства противостояния самодержавной власти. Выразилось это в первую очередь в поддержке, как моральной, так и материальной, революционного движения, когда его наиболее активных адептов подвергали судебным преследованиям в строгом соответствии с законами Российской империи.

В этом отношении весьма поучительна роль одного из создателей Судебных уставов 1864 г. первого председателя Петербургского Совета присяжных поверенных Д. В. Стасова (трижды избираемого на эту должность в период с 1866 г. и вплоть до 1914 г.). Будучи известным адвокатом, он никогда не отказывался от участия в судебных политических процессах, самоотверженно защищая преданных суду тверских мировых посредников в дореформенном суде, а затем, после судебной реформы 1864 г., выступив политическим защитником на судебных процессах ишутинцев, нечаевцев, участников «хождения в народ», народовольцев, что вызывало недовольство верхов и окончательно закрепило за ним репутацию политически неблагонадежного [9 – 13].

Такой упрек в 1866 г. высказал Д. В. Стасову на Каракозовском процессе, как защитнику Н. А. Ишутина, член Верховного Суда принц П. Г. Ольденбургский. Адвокат сделал все возможное для своих подзащитных. Так, по его совету после подачи подсудимыми прошения о помиловании (к чему прибегли многие), приговор в их отношении был смягчен. Ишутину смертная казнь была заменена пожизненной каторгой. Причем, над ним была совершена «тяжелая комедия с помилованием», когда он «был привезен на место казни, там ему был прочитан приговор, надет саван и спущен на глаза колпак, и в то время, когда надо было уже вздеть на веревку, явился фельдъегерь, объявивший помилование». «К чему было заставлять человека испытывать весь ужас приближающейся казни, когда уже решено было его помиловать! – С возмущением пишет Стасов уже в годы первой русской революции. – Этот же самый прием был применен и над петрашевцами, но то было при Николае I» [12, с. 290].

Вместе с тем в воспоминаниях адвоката умалчивается об одном интересном факте, о котором с гордостью рассказывает его жена. «Имея ввиду казнь Ишутина, – вспоминала П. С. Стасова, – Д. В. предложил мне написать для Ишутина на высочайшее имя просьбу о не лишении его жизни, я написала, Д. В. остался очень доволен, свез ее Ишутину, тот переписал ее» [15, д. 415, л. 28]. Так что не стоит особо удивляться малодушию революционера в прошении, о помиловании которого историки читают возвышенные слова: «Я осмеливаюсь пасть к стопам вашего Императорского Величества и со слезами умолять вас о помиловании» [3, д. 6, л. 541].

При арестах и обысках самого Д. В. Стасова, ему, конечно, власти не могли официально поставить в вину провозглашенное судебной реформой право на защиту российских подданных, но в частном разговоре с его женой председатель Верховной распорядительной комиссии граф Лорис-Меликов ссылаясь на недовольство такой деятельностью Дмитрия Васильевича самим императором. «Плюнуть не дают, извините за выражение, чтобы не приплетали имя Стасова, – сказал мне на днях его величество», – аккуратно записала в своих мемуарах этот разговор П. С. Стасова. «Это все оттого, что ваш муж занимается политическими защитами. А для

чего? – добавил уже от себя Лорис-Меликов. – Вот и в Одессу ездил ... Обязанность – обязанностью, не всякого надо защищать» [15, д. 414, л. 106]. Некоронованный правитель был недоволен участием адвоката на известном политическом процессе И. М. Ковальского в 1878 г.

Когда на имена идеологов народничества был наложен строжайший запрет, Д. В. Стасов, пользуясь адвокатской трибуной, как, например, на процессе «193-х», смело отстаивал права русского человека читать «сочинения Чернышевского и Бакунина, журнал “Вперед” Лаврова..., Ткачева и Кропоткина», так как, по его словам, «всем хочется знать... что пишут русские, живущие за границей», и без всякого смущения заявлял, что «сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще» [2, д. 800, л. 240 – 245].

На рубеже 1870 – 1980-х гг., как потом вспоминала жена Д. В. Стасова, «по почте рассылали массу таких брошюрок» [15, д. 414, л. 46]. Тем более, что его брат В. В. Стасов, находясь на штатной должности библиотекаря (с 1872 г. до конца жизни заведовал Художественным отделом Публичной библиотеки), «по своему положению тайного советника имел право получать все, даже нелегально печатавшееся за границей», о чем вспоминала Е. Д. Стасова. При этом (по ее словам) «один экземпляр он сдавал в секретный архив библиотеки, а второй регулярно приносил в семью моих родителей для прочтения» [18, с. 57].

Конечно, это не означает, что видный адвокат сам придерживался радикальных революционных убеждений, хотя и был сторонником идеи мирной революции. Просто, как демократически настроенный и просвещенный человек, он всеми доступными, хотя и рискованными средствами боролся за неотъемлемое право на свободу слова и печати, за право иметь собственное мнение. По справедливому замечанию современных ученых, на протяжении всей второй половины XIX в. гуманизм, революционность и социализм в сознании передовой интеллигенции сливались воедино [7, с. 128].

Наряду с этим, Д. В. Стасов горячо поддерживал своих подзащитных, участников «хождения в народ», делавших все возможное для того, «чтобы не было разницы между образованным классом и народом» [2, д. 800, л. 142, 237–238] (наученные горьким опытом царские власти запретили тогда предавать гласности в печати «возмутительные» речи адвокатов). Таким же образом, он одобрял «естественный переход к сближению с народом, которое... вылилось и в хождение в народ и проч.» [17, с. 227–228].

Не удивительно поэтому, что в жандармских справках на Д. В. Стасова непременно значилось уличающие его факты. «Он был защитником... по делу о развитии преступной пропаганды в империи. – Указывалось в одном из документов. – Он же взял на поруки подсудимых Сабелькина... Кротонова, Александровского, Городецкого» [1, д. 7951, л. 9]. Более того, как вспоминала его жена, «из остальных Д. В. взял на поруки Пономарева, Доброва и Кротонова и поселил их у нас в свободной одной комнате... жили они дружно, на полном нашем иждивении, Добров давал уроки истории нашему Сереже» [15, д. 415, л. 63]. Содержание таких уро-

ков, конечно, не соответствовало триаде – «самодержавие, православие, народность» и программе министерства просвещения.

Более того, адвокат делал для своих подзащитных многое такое, что далеко выходило за пределы его служебных обязанностей. «Сабелькина, больного чахоткой, поместил в Мариинскую больницу. Наш домашний доктор, А. Н. Оппенгейн, навещал и лечил его, и мы с мамой часто к нему ездили, возили крепкий бульон, бифштексы, вино. – Отмечает в своих воспоминаниях дочь адвоката В. Д. Комарова. – Милый был, кроткий, угадывающий юноша. Он вскоре умер, и папа хоронил его» [16, д. 314, л. 95]. Другого подсудимого Кротонова, по словам П. С. Стасовой, «Д. В. поместил на лечение в лазарет Медицинской Академии, где он скоро и скончался», причем, «его не позволили хоронить иначе, как тайком из Академии ночью». Видимо, власти побаивались превращения похоронной процессии в демонстрацию протеста. П. С. Стасова с чувством гордости отмечает, что «Пономарев ... называл меня и Д. В. – матерью и отцом» [15, д. 415, л. 63]. Такое сближение присяжной адвокатуры с революционными народниками больше всего и беспокоило царское окружение, которое с досадой констатировало, что общественное мнение совсем не на стороне правительства.

Многие подсудимые освобождались от тюремного заключения благодаря поручительству сочувствовавшего им адвоката под залог до 10 тыс. руб. и, по мнению советских исследователей, «с согласия Дмитрия Васильевича Добровольский бежал за границу», причем, «деньги Д. В. Стасова, естественно пропали» [8, с. 76].

Подтверждение такого факта придавало бы большую весомость заслугам Дмитрия Васильевича в содействии революционному подполью, но при более тщательном рассмотрении источников, выясняется, что согласия поручителя на побег не было, а денежный ущерб со временем ему был все-таки возмещен. Опираясь на сведения (проводимые в воспоминаниях П. С. Стасовой), исследователи не обратили внимания на то, что напротив ее слов – «с согласия Дмитрия», стоит фигурная скобка и три вопросительных знака, так же как и напротив слов, что «он ездил в Одессу на защиту Ковальского» [15, д. 414, л. 52]. Это означает не сомнение в чем-либо автора мемуаров, а отрицание данных утверждений самим Д. В. Стасовым, рукой которого сделаны эти и ряд других пометок.

Дело в том, что М. И. Ковальского на суде защищал не он, а другой известный адвокат Г. В. Бардовский. Через год Стасов будет уже вынужден давать в качестве «залога за Бардовского процентные бумаги на 10 тыс.» (из письма А. А. Герке к Д. В. Стасову от 6 октября 1879 г.) [14, д. 101, л. 1]. По поводу же побега Добровольского, дочь Дмитрия Васильевича заметила, что ее отец «ничего не знал о бегстве взятого на поруки», «а Добровольский не счел себя обязанным оправдать это поручительство и сбежал». Однако впоследствии «его родственники вернули Д. В. что-то около 5000» [16, д. 314, л. 47; д. 321, л. 310]. Две сестры Добровольского после получения наследства посчитали «себя нравственно обязанными, возвратить... 5000 руб.», что ровно наполовину возместило ту сумму, которую по постановлению Особого Присутствия пришлось пе-

редать «в капитал на устройство мест заключения» (из письма Л. И. Соловьевой к Д. В. Стасову от 22 ноября 1883 г.) [16, д. 381, л. 6].

Оказание различной помощи осужденным революционерам проводилось Стасовым скрытно, на постоянной основе и в массовом порядке, что подтверждают письма к нему многих известных деятелей народнического движения: М. Ф. Грачевского, Ф. Н. Лермонтова, С. В. Мокиевского-Зубка, Н. А. Виташевского, В. Н. Фигнер.

Революционеры-народники, отданные под суд, нередко обращались к своему защитнику и поручителю, по словам Мокиевского-Зубка, «как утопающий за соломинку» с выражением «своей горячей благодарности за участие» [14, д. 381, л. 12]. Так, один из подзащитных Д. В. Стасова, революционер П. В. Курдюмов обращался к нему из далекой ссылки «с просьбою... прислать рублей 50» [14, д. 325, л. 7], другой участник «хождения в народ» А. А. Александровский вообще просил «устроиться сельским хозяином в деревне, ссудив... деньгами в количестве не более 600 руб.» [14, д. 320, л. 4].

Стасов, конечно, помогал по мере возможности, о чем говорит благодарность, высказанная ему М. Ф. Грачевским за «письмо и двадцать пять руб. сер. денег», когда он шел по этапу через Архангельск» [14, д. 321, л. 1]. Забота о судьбе Грачевского показывает, что адвокат оказывал помощь не только своим подзащитным, но и другим революционерам, вызвавшим у него уважение. Именно в это время, в июле 1879 г., начальник жандармского управления столицы предлагает начальству: «Дмитрия Стасова лишить права заниматься адвокатурой и под надзор» [4, д. 81, л. 54].

Характерно, что несмотря на участие в защите ищутинцев, террористов-народовольцев (процесс Ковальского, «17-ти»), сам Д. В. Стасов не признавал террористические формы борьбы. По воспоминаниям его старшей дочери В. Д. Комаровой, о таком революционере-народнике как Л. Г. Дейч, «папа не мог говорить без отвращения, так как это был тот, кто облил серной кислотой (!) какого-то предателя после нечаевского процесса» [16, д. 314, л. 46]. Это факт действительно был, и вызвал общественный резонанс, но «революционный приговор» совершил не известный впоследствии революционер Л. Г. Дейч, а другой народник Н. Е. Горинович в 1876 г. Кроме того, судя по заметкам самого Д. В. Стасова, «как всегдашний противник смертной казни», он в резкой форме осуждал покушения на жизнь русских императоров (как в 1881 г., так и в 1887 г.), искренне считая такие действия «зверским злодеянием» [14, д. 383, л. 1; 16, д. 314, л. 48].

Вместе с тем именно через Д. В. Стасова длительное время осуществлялась материальная поддержка осужденным на различных судебных политических процессах. Так, например (по свидетельству П. С. Стасовой уже в официальной печати в 1915 г.), видная деятельница женского движения А. П. Философова (жена главного военного прокурора России) «обратилась к Д. В.» в середине 1870-х годов с просьбой передать по назначению «пакет», где «была собранная ею сумма для высылаемых после одного процесса лиц». Вот она российская действительность: глава семьи В. Д. Филосовов, главный военный прокурор Российской империи –

по долгу службы – должен был, несмотря на свои либеральные взгляды, отправлять «политических преступников» на каторгу, а его супруга – по совести и зову сердца – материально и морально поддерживает революционеров. По приказу Александра II (вынужденного лично вершить судьбы дворянской семьи), А. П. Философову – по подозрению в участии в революционном движении, фактически, за помощь осужденным и их родственникам, высылают на два года за границу (вернуться разрешили в 1881 г.). Одновременно (в том же году) ее мужа В. Д. Философова указом императора назначают членом Государственного Совета (фактически, это была почетная ссылка) [19, с. 16].

Благородная, подвижническая деятельность Д. В. Стасова в оказании помощи революционерам (независимо от их «партийной» принадлежности) была не исключением, а характерной чертой свободомыслящей российской интеллигенции, которая не хотела связывать свое имя с репрессивной политикой царского правительства. Историки долго будут спорить во взаимоотношениях либерально настроенной присяжной адвокатуры и революционного народничества (а затем, их идейных наследников социалистов-революционеров), кто с кем оказался «попутчиком», кто кого «использовал» в своих политических интересах, но факт остается фактом, русская революция стала неизбежной.

Символично, что в преддверии надвигающихся революционных потрясений видные деятели народнического движения, вставшие в свое время на путь террора (пройдя каторгу и ссылку), признавали правоту жизненной позиции главы присяжной адвокатуры. «Когда вы выступили на суде моим защитником, я был слишком юн... – Обращался с благодарностью к Д. В. Стасову 19 мая 1916 г. бывший активный член организации “Земля и Воля” Н. А. Виташевский. – Но в соприкосновении с Вами тогда, почти 40 лет тому назад была еще одна, и гораздо более важная сторона. Всецело поглощенный своими идеалами (которым, впрочем, остаюсь верен и по сей день), вращаясь в среде таких же, как и сами, крайних идеалистов и людей партии, и я к тому времени не успел еще заметить, что вне тесного круга ближайших соратников есть и еще люди высоких идеалов и возвышенных чувств. В Вашем лице я встретил впервые одного из таких людей» [14, д. 77, л. 225]. Таким же образом, 19 января 1917 г. старая революционерка В. Н. Фигнер в письме к Д. В. Стасову выразила ему признание за «благородно проведенную жизнь» [20, с. 70].

Историки еще долго будут спорить, «кто виноват», «кто кого не понял», но репрессивные меры карательных органов самодержавия, нередко носящих превентивный характер, занимали в этой политике определяющее место. Достичь взаимопонимания формирующееся гражданское общество и, казалось бы, незыблемое самодержавие так и не смогли. Неприятие российской действительности, несмотря на все реформационные изменения второй половины 1860-х – 1870-х гг., оказалось составной частью не только мировоззрения, но и практической деятельности либерально настроенной адвокатуры, что и проявилось в ходе судебных политических процессов.

В конечном итоге, в оппозиции к самодержавию оказались практически все корифеи как «старой», так и «молодой» адвокатуры – К. К. Ар-

сеньев, И. В. Гессен, А. С. Зарудный, В. А. Маклаков, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев, С. А. Муромцев, В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов и многие др. [20, с. 61 – 157]. В результате Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России представители именно сословия присяжных поверенных А. Ф. Керенский и В. И. Ульянов (Ленин) оказались у руля государственной власти.

#### *Список литературы*

1. **Государственный** архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (Секретный архив III отделения). Оп. 230. Д. 7951.
2. **ГАРФ**. Ф. 112 (ОППС для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 800 (Дело о революционной пропаганде в империи).
3. **ГАРФ**. Ф. 272 (Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу о покушении на Александра II). Оп. 1. Д. 6.
4. **Центральный** государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА, СПб.). Ф. 2073 (Канцелярия Петербургского Временного генерал-губернатора). Оп. 2. Д. 81.
5. **Карабчевский Н. П.** Что глаза мои видели. Т. 2. Берлин, 1921. 168 с.
6. **Карпачев М. Д.** Истоки русской революции. Легенды и реальность. М., 1991. 272 с.
7. **Карпачев М. Д.** Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В. С. Парсамова. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 77 – 88.
8. **Лебедев А. К., Солодовников А. В.** Владимир Васильевич Стасов. М., 1982. 288 с.
9. **Легкий Д. М.** «В адвокатуру устремлялось все живое, честное, независимое». Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных: от «эпохи великих реформ» до «периода контрреформ» (вторая половина 1860-х – первая половина 1880-х гг.) // Вопросы правоведения. 2016. № 1. С. 120 – 138.
10. **Легкий Д. М.** Д. В. Стасов – политический защитник // Государство и право. 2001. № 10. С. 98 – 106.
11. **Легкий Д. М.** Дмитрий Васильевич Стасов – забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // Правоведение. 2002. № 3. С. 201 – 217.
12. **Легкий Д. М.** Присяжная адвокатура на процессах по «делам о печати» после Судебной реформы 1864 г. в России // Проблемы права. 2006. № 1. С. 125 – 128.
13. **Легкий Д. М.** Процесс политических фальшивомонетчиков или «Дело о лицах, принадлежащих к противозаконному сообществу, составившемуся с целью распространения в России, из политических видов, фальшивых кредитных билетов» // Право и политика. Международный научный журнал. 2001. № 5. С. 98 – 102.
14. **Рукописный** отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 294 (фонд Стасовых). Оп. 4 (Заметки, переписка Д. В. Стасова).
15. **РО ИРЛИ**. Ф. 294. Оп. 5. (Стасова П. С. Из прошлого).
16. **РО ИРЛИ**. Ф. 294. Оп. 8. (Комарова В. Д. Воспоминания).
17. **Стасов Д. В.** Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // Былое. 1906. № 4. С. 276 – 298.
18. **Стасова Е. Д.** Владимир Стасов. Воспоминания // Из кн: В. В. Стасов. 1824 – 1906. М.; Л., 1949.

19. **Стасова П. С.** Воспоминания // Сборник памяти Анны Павловны Фило-софовой. Пг., 1915. Т. 2. С. 11 – 20.

20. **Троицкий Н. А.** Адвокатура в России и политические процессы 1864 – 1904 гг. Тула : Автограф, 2000. 456 с.

### References

1. **Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)** [State Archives of the Russian Federation (GARF)], fund 109 [Secret archive of the 3rd department], inventory 230. case 7951. (In Russ.)

2. **GARF** [GARF], fund 112 [The special presence of the government Senate for judging cases of state crimes], inventory 1, case 800. (In Russ.)

3. **GARF** [GARF], fund 272 [The Investigation Commission and the Supreme Criminal Court in the case of the attempt on Alexander II], inventory 1, case 6. (In Russ.)

4. **Central'nyj gosudarstvennyj istoričeskij arhiv Sankt-Peterburga** (CGIA, St. Petersburg) [Central State Historical Archives of St. Petersburg (TsGIA, St. Petersburg)], fund 2073 [Office of the Petersburg Provisional Governor-General], inventory 2, case 81. (In Russ.)

5. **Karabčevskij N.P.** *Čto glaza moi videli* [What my eyes saw], vol. 2, Berlin, 1921, 168 p. (In Russ.)

6. **Karpachev M.D.** *Istoki russkoj revolyucii. Legendy i real'nost'* [The origins of the Russian revolution. Legends and Reality], Moscow, 1991, 272 p. (In Russ.)

7. **Karpachev M.D.** [Raznočinnaya intelligentsia as a phenomenon of political culture of post-reform time], *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Liberation movement in Russia: interuniversity collection of scientific works], Saratov, 2003, Issue. 20, pp. 77-88. (In Russ.)

8. **Lebedev A.K., Solodovnikov A.V.** *Vladimir Vasil'evič Stasov* [Vladimir Vasilyevich Stasov], Moscow, 1982, 288 p. (In Russ.)

9. **Legkij D.M.** ["All the living, honest, independent rushed to the bar." St. Petersburg Council of Sworn Attorneys: from the "era of great reforms" to the "counter-reform period" (the second half of the 1860's – the first half of the 1880's)], *Voprosy pravovedeniya* [Questions of Jurisprudence], 2016, no. 1, pp. 120-138. (In Russ.)

10. **Legkij D.M.** [D.V. Stasov – political defender], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2001, no. 10, pp. 98-106. (In Russ.)

11. **Legkij D.M.** [Dmitry Vasilyevich Stasov – forgotten author of the Judicial Charters of 1864 in Russia], *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2002, no. 3, pp. 201-217. (In Russ.)

12. **Legkij D.M.** [Sworn advocacy in the processes of "Press Affairs" after the Judicial Reform of 1864 in Russia], *Problemy prava* [Problems of Law], 2006, no. 1, pp. 125-128. (In Russ.)

13. **Legkij D.M.** [The process of political counterfeiter or "The Case about the persons belonging to the illegal community, which was formed with the purpose of distribution in Russia, from political species, fake credit cards ], *Pravo i politika. Meždunarodnyj nauchnyj žurnal* [Law and Politics. International Scientific Journal], 2001, no. 5, pp. 98-102. (In Russ.)

14. **Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN (RO IRLI)**, fund 294, inventory 4. (In Russ.)

15. **RO IRLI** [Hand-written department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (ROI IRI)], fund 294, inventory 5. (In Russ.)

16. **RO IRLI** [Hand-written department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (ROI IRI)], fund 294, inventory 8. (In Russ.)



17. **Stasov D.V.** [Karakozovsky process (some information and memoirs)], *Byloe [Past]*, 1906, no. 4, pp. 276-298. (In Russ.)
18. **Stasova E.D.** *Vladimir Stasov. Vospominaniya* [Vladimir Stasov. Memoirs], In book: V. V. Stasov, 1824-1906, Moscow; Leningrad, 1949 (In Russ.)
19. **Stasova P.S.** *Vospominaniya* [Memoirs], *Sbornik pamyati Anny Pavlovny Filosofovoj* [Collection of the memory of Anna Pavlovna Filosofova], Petrograd, 1915, vol. 2, pp. 11-20 (In Russ.)
20. **Troickij N.A.** *Advokatura v Rossii i politicheskie processy 1864 – 1904 gg.* [Advocacy in Russia and Political Processes 1864 - 1904], Tula: Avtograf, 2000, 456 p. (In Russ.)

**THE LAWYER AND HIS CLIENTS  
IN THE JUDICIAL POLITICAL TRIALS  
OF THE REVOLUTIONARY POPULISTS IN THE SECOND HALF  
OF THE 1860s AND THE BEGINNING OF THE 1880s  
(based on the work of D. V. Stasov)**

**D. M. Legkiy**, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of Law,  
A. Baytursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan;  
info@ksu.edu.kz*

*The article analyzes the relationship between the legal professionals and revolutionary populists in the course of judicial political processes from the second half of 1860s to the beginning of 1880s (based on D. V. Stasov's works). Using the archival materials, the facts of active support, both moral and financial, of their defendants-revolutionaries by the liberal legal professionals were revealed. This went beyond the functional duties of the legal professionals and led to confrontation with the autocracy.*

**Keywords:** legal professionals; history of law; the Russian empire; Judicial Reform of 1864; justice.

© Д. М. Легкий, 2018

*Статья поступила в редакцию 21.04.2018*